

УДК 821.111(73)

ПСИХОЛОГИЯ ТРАВМЫ В РОМАНАХ Й. МАКЬЮЭНА ОБ ОПЫТЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Л.Ф. Хабибуллина, А.А. Иванова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассматривается проблема травматического опыта на материале романов Й. Макьюэна о Второй мировой войне: «Невинный, или Особые отношения» (*The Innocent*, 1990), «Чёрные псы» (*Black Dogs*, 1992) и «Искупление» (*Atonement*, 2001). Исходя из современных исследований исторической травмы, авторы описывают сюжет насилия, ситуацию травмы и проблему памяти в указанных произведениях английского писателя. Проведённый анализ позволяет говорить о сложном и различном соотношении этих компонентов, что даёт возможность Макьюэну показать многообразие способов воздействия травмы на личность, глубоко и тонко раскрыть психологию травмированного сознания. Жертвой может оказаться не только герой, подвергшийся насилию, но и тот, кто стал его источником. Глубина травмы не позволяет писателю говорить о её преодолении, он лишь изучает сложные пути воздействия глобальных исторических событий на сознание каждой отдельной личности.

Ключевые слова: английская литература XX – XXI вв., психология травмы, Й. Макьюэн, «Невинный, или Особые отношения», «Чёрные псы», «Искупление»

На рубеже XX – XXI вв. проблема травматического опыта в самом широком смысле слова становится одной из центральных в мировой литературе. О.А. Джумайло отмечает: «...Во многих романах 1980-х – 1990-х годов, среди которых произведения Гр. Свифта, Дж. Барнса, И. Макьюэна, М. Спарк, Д. Томаса, М. Этвуд, К. Исигуро, постмодернистский игровой фасад предстаёт великолепной, но дырявой декорацией, через которую с гулким свистом прорывается боль опыта» [1, с. 24]. Неслучайно в это время огромное количество авторов обращается к ситуации непреодолимой травмы общества или личности. Многие исследователи указывают на «а-постмодернистский поворот к жизненному опыту» [1, с. 32], симптомами которого являются поэтика и эстетика ранимости.

На сегодняшний день существует целая область исследований, называемая *trauma studies*. Она получила развитие в 90-е годы XX в., тогда же сформировалось представление о междисциплинарном характере её предмета. Так, Д. Лапра пишет: «Есть одна кросс-дисциплинарная проблема, которая в последнее время стала заметна особенно в связи с различными экстремальными событиями (такими как изнасилование, жестокое обращение и геноцид). Это проблема

травмы. И теория травмы, её изучение не только проходит сквозь дисциплинарные границы, существующие внутри гуманитаристики, но включает в себя естественные и социальные науки (нейрофизиологию, социальную психологию, психоанализ, психиатрию и нарративную медицину)» [2, с. 243]. Данный вопрос исследуется при помощи таких категорий, как «свидетельство», «посттравматический стрессовый синдром», «историческая травма», предложенных Ш. Фелман и Д. Лаубом [3] и др.

В связи с проблемой травмы практически сразу обозначается проблема её преодоления, соотносимая с природой памяти. Травма порождает «искусство забывания» [4], поэтому историческое прошлое, которое невозможно принять, мифологизируется. Травмированная память является результатом постоянной коммеморации, возобновления в сознании пережитых негативных эмоций, что особенно характерно для коллективной памяти [5]. Можно сказать, что художественная литература является важной частью этого процесса. В качестве наиболее травматической ситуации, осмысленной в произведениях XX – XXI вв., выступает опыт Второй мировой войны, который со временем не утрачивает своего значения, а приобретает всё новые интерпретации. Так, Ш. Фелман и Д. Лауб называют травму Второй мировой войны «поворотным моментом нашего времени», рассматривают её «не как событие, заключённое в прошлом, но как историю, которая ещё в сущности не закончена» [3, р. xiv].

К рассматриваемой проблеме обращается целый ряд крупнейших английских авторов рубежа веков (К. Исигуро, М. Эмис, Й. Макьюэн и др.). В их произведениях может встречаться сюжет насилия или травмы. В первом случае насилие становится предметом изображения, во втором – частью воспоминания.

Вторую мировую войну как травмирующую ситуацию в психологическом плане рассматривает Й. Макьюэн. Для него война служит предлогом для раскрытия природы самообмана и осознания героем собственных негативных черт. В этом плане наибольший интерес представляют романы «Невинный, или Особые отношения» (*The Innocent*, 1990), «Чёрные псы» (*Black Dogs*, 1992) и «Искупление» (*Atonement*, 2001). Упомянутые произведения вызывают постоянный интерес в отечественном литературоведении; в частности, они рассматриваются в связи с ролью документального компонента в творчестве Й. Макьюэна [6, 7], особенностями психологизма [8, 9], проблемами интертекстуальности и жанра [10, 11], при этом большая часть исследований касается романа «Искупление» (см., например, [6–13]). Лишь некоторые исследователи рассматривают тему войны как единую и значимую в творчестве писателя (см. [14, 15]). К поднятой им проблеме насилия и травмы из отечественных литературоведов подобно обращается, пожалуй, только О.А. Джумайло [1, с. 279–291].

В романе «Невинный, или Особые отношения» действие происходит в послевоенном Берлине. Образ города, разделённого на две части, ставшего символом послевоенной картины мира, является ключевым в произведении¹. Наси-

¹ Макьюэн основывается на реальном историческом событии – строительстве Берлинского туннеля, которое осуществлялось совместно ЦРУ и Британской секретной разведывательной службой в начале 50-х XX в. годов. Туннель был направлен на территорию Восточного Берлина для прослушивания телефонных разговоров штаба советских войск в Германии (операция “Gold”). Благодаря деятельности советской разведки о туннеле стало известно ещё до начала его строительства, но СССР скрыл это, чтобы не обнаружить своего агента. В 1956 г. он был всё же найден советскими солдатами и солдатами армии ГДР. США, потратив

лие становится фоном романа, и первоначально его источником выступают не побеждённые немцы, а союзники – русские, вызывающие страх и неприязнь: «Они никогда не улыбались. Не хотели сотрудничать. Они ввали, совали нам палки в колёса, грубили по любому поводу. Они всегда говорили чересчур жёстко, даже если речь шла о какой-нибудь мелкой технической детали. А мы всю дорогу повторяли себе: ну ладно, они натерпелись в войну, да и вообще у них всё по-другому. Мы уступали им, этакие простачки» (Н., с. 57). Ситуация сексуального насилия изначально задаётся как прямое следствие победы: «Этим девочкам вполне хватает того, что вы не русский. <...> Русских они ненавидят. Когда те пришли сюда, в мае сорок пятого, они тут так зверствовали, страшное дело» (Н., с. 57).

Нами уже было отмечено, что «центральный конфликт романа носит психологический характер. Леонард Марнем, обычный молодой британец, приехавший в Берлин для работы на радиолокационной станции, ощущает себя причастным к победе» [15, с. 267], ведь, по замечанию Макьюэна, «ни один молодой англичанин, впервые приехавший в Германию, не мог не думать о ней как о стране, потерпевшей поражение, и не испытывать гордости победителя» (Н., с. 15). Марнем влюбляется в немку Марию Экдорф и в какой-то момент типичный английский юноша, во время войны живший с бабушкой в маленьком валлийском посёлке, хочет почувствовать себя победителем: «Она... принадлежала ему по праву победителя и вдобавок ничего не могла с этим поделать. <...> Ей придётся отдать то, что ему причитается. <...> Он хотел, чтобы Мария признала его власть и пострадала от этого, чуть-чуть, только ради удовольствия» (Н., с. 127). Совершив насилие над возлюбленной, Марнем далее становится невольным соучастником убийства её бывшего мужа Отто, за короткое время оказавшись, таким образом, насильником и убийцей, а также предателем (он выдает тоннель русским, чтобы скрыть находящийся там труп Отто). Иными словами, герой «совершает всё то, что ему казалось бесконечно далёким от его уютного и цивилизованного английского мира» [15, с. 267]. Личные неудачи Леонарда перекликаются с геополитическими поражениями его родины: Англия уступает роль мирового лидера США; кроме того, Мария выходит замуж за американца Боба Гласса, его бывшего приятеля.

Травмирующий опыт в рассматриваемом романе – это прежде всего опыт самопознания, поэтому речь идёт о травмировании того, кто сам стал источником насилия. Травма оказывается следствием ситуации насилия, кульминации романа, отображает удар, нанесённый войной каждому человеку, вне зависимости от его участия в боевых действиях. Здесь, на наш взгляд, поднимается очень глубокая проблема: травма истории оказывает своё влияние и на тех, кто, на первый взгляд, не затронут событиями непосредственно, она заставляет их действовать по законам, для них не свойственным, вскрывает самые тёмные стороны в природе человека. Макьюэн не ставит перед собой задачу показать

6.7 млн долларов, не получили значимой информации и потеряли в имидже (пострадала, в частности, карьера Аллена Даллеса, легендарного главы ЦРУ). Лишь в 1960-х годах США стало известно о том, что замысел не был секретным для СССР изначально. В романе воспроизведены ключевые события и фигуры этого процесса (советский разведчик Джордж Блейк; глава операции, сотрудник ЦРУ Уильям Кинг Харви).

способы преодоления травматического опыта, ему важнее передать тотальный характер влияния военных событий.

Продолжает эту тему роман «Чёрные псы». Здесь существенна как ситуация насилия, так и проблема памяти, поскольку повествуется о далёких последствиях травмы². В основе сюжета история пожилой женщины Джун, в прошлом активного борца за коммунизм, свободу и революцию в Англии, жизнь которой резко меняется после встречи с двумя чёрными собаками. Их, как выясняется позже из сомнительной, но пугающей местной легенды, раньше использовали в гестапо для пыток женщин. Об этой истории упоминается постоянно, но практически до самого конца она остаётся неизвестной для читателя, описываются лишь её последствия и эмоции главных героев.

Повествование преимущественно ведётся от первого лица – Джереми – мужа дочери Джун, который последние годы жизни героини провёл у её больной койки, записывая её нелегкую для понимания историю. В романе присутствует несколько повествовательных слоёв: уровень рассказчика (история племянницы Салли), внутренний сюжет (история Джун и Бернарда), а также несколько временных пластов (настоящее и прошлое рассказчика, прошлое Джун и некой Даниэль Бертран – девушки, которая, по рассказам мэра, когда-то подверглась насилию этими собаками). Все истории объединяются идеей непреходящего влияния травмы на сознание индивида.

В романе ярко проявляет себя ещё одна проблема, связанная с ситуацией травмы, – это изолированность жертв травматического опыта, их «выключенность» из социума вследствие уникальности этих переживаний и невозможности объяснить их другому. В романе такими жертвами становятся рассказчик, его племянница Салли и тёща Джун. История рассказчика, рано потерявшего родителей, сюжетно мотивирует его склонность к дружбе с родителями жены, а собственный травматический опыт помогает ему видеть и понимать травмированное сознание другого. Важно обратить внимание на то, что окружающие, которых непосредственно не коснулось травмирующее происшествие, чаще всего не в силах помочь близким людям; это касается отношений как Салли и рассказчика, так и Джун и её мужа. После рассказа испуганной Джун о нападении собак – травме, впоследствии повлиявшей на всю её жизнь, – молодой супруг героини был нейтрален в своих эмоциях: «Бернард потянулся через стол и взял жену за руку, но она поначалу не хотела принимать от него никакой поддержки. Она не простила ему, что в критический момент его не оказалось рядом...» (Ч.П., с. 253). Отстранённость близких людей от жертвы особенно подчёркивается их невнимательностью к происходящему. В частности, Бернард обнаружил свою жену только через четверть часа после нападения. Будучи от неё на достаточно близком расстоянии, он уделяет больше внимания энтомологическим образцам, нежели потерянной из виду супруге. Отрицают её травму и дети, у которых словосочетание «чёрные собаки» впоследствии превращается в афоризм, иногда употребляемый с негативным оттенком, некую историю, связанную с жизнью матери, но на которую никто в семье, кроме самой Джун, не обращает пристального внимания.

² Роман также рассматривается как реакция на кризисное состояние культуры (подробнее см. [16]).

Внутренний мир Джун в основном открыт для читателя, но история героини передаётся через посредников (Джун – рассказчик Джереми, её муж Бернард – Джереми, её дочь – Джереми, Джереми – читатель). Рассказ о ней собирается в мозаику, донесённую до читателя опосредованно, что снова подчёркивает изолированность героини на дискурсивном уровне. Особенности построения нарратива в этом произведении (встроенность историй одна в другую, передача травматического опыта через целый ряд «свидетельств» и др.) заставляют вспомнить исследования травматического опыта в медицине и социологии, тем более что Джун свидетельствует, уже будучи пациенткой в доме для престарелых.

Сам нарратив в романе «Чёрные псы» является предметом авторского осмысления. Так, Джун говорит: «...Ты... сделаешь то же самое, что и я: выделишь одно конкретное событие, отыщешь в чём-то вполне объяснимом и заурядном суть всего того, что в противном случае просто канет в Лету, – конфликт, смену точки отсчёта, новое понимание происходящего. Я вовсе не пытаюсь утверждать, что эти твари только на вид казались обыкновенными собаками. ...В действительности я не верю в то, что они были слугами дьявола, адскими псами или знаменем Божьим... <...> Я вовсе не пыталась мифологизировать этих животных. Я их использовала. Они дали мне ключик к свободе» (Ч.П., с. 69–70). И далее: «Я столкнулась со злом лицом к лицу и открыла для себя Бога» (Ч.П., с. 70). Эту роль встречи с чёрными псами понимает и муж героини Бернард: «...Забудь ты об этой лабуде насчёт “лицом к лицу со злом” и так далее. Чуть религиозная. Но знаешь, это ведь именно я рассказал ей о “чёрной собаке” Черчилля. Помнишь такую? Так он называл депрессию, которая время от времени на него накатывала. <...> Так что идея у Джун была проще некуда: если одна собака символизирует депрессию личную, то две – это уже нечто вроде культурной депрессии, пакостного состояния души для всей цивилизации. В общем-то образ неплохой. Я сам часто им пользовался» (Ч.П., с. 123). Таким образом, встреча с чёрными псами рассматривается на двух уровнях – обыденном и глубинном, обретение веры определяет точку расхождения главной героини с окружающими её людьми. Параллелью к этому событию становится эпизод у блокпоста Чарли, когда во время крушения берлинской стены Бернард заступает за молодого турка с красным флагом, на которого готовы напасть такие же молодые неонацисты. В отличие от Джун Бернард, также оказавшийся на краю гибели, лицом к лицу со злом, стремится забыть этот эпизод и не делает для себя глубоких выводов.

В этом произведении историческая травма выступает как фон повествования, в котором выстраивается линия от событий Второй мировой войны до падения Берлинской стены (его Джун уже не застаёт); война проявляется как след, оставленный в сознании наиболее чувствительных натур и непонятный для окружающих. Сюжет насилия лишь опосредованно соотносится с судьбой Джун, но героиня, как личность, обладающая тонкой связью с окружающим миром (политическая активность на раннем этапе жизни, религиозность на позднем), оказывается жертвой травмы³, нанесённой войной всему человечеству. Эта травма

³ В то же время героиня здесь не только жертва, так как она показала свою способность к обороне, ранив одного из псов.

становится для неё выходом на новый уровень восприятия жизни, недоступный для её близких (в том числе Джереми) и определивший разрыв с ними.

Историческим фоном в романе «Искупление» выступает отступление британских войск под Дюнкерком в мае 1940 г., однако основная проблема – вина и искупление – разворачивается вновь в психологической области. Главная героиня Брайони в детстве оговорила Робби – жениха своей сестры Сесилии, обвинив его в насилии над двоюродной сестрой Лолой. Уже в старости она, как писательница, рассказывает свою историю, оканчивая её счастливым воссоединением героев, и даёт возможность Брайони-героине искупить вину. В произведении присутствует указание на иную, более достоверную развязку, в соответствии с которой Сесилия умирает через год после Робби, погибшего от ран под Дюнкерком. Как нами отмечалось, «в романе резко контрастирует мир довоенный, подробно описанный в одном дне жизни героев, и военный, наполненный для сестёр суровыми буднями работы в госпитале или отступления для Робби, тяжёлыми днями, похожими друг на друга, по сравнению с которыми проблемы прошлого так несущественны. Война здесь выступает тем потрясением, которое позволяет всем героям романа осознать истинные ценности и глубже понять друг друга» [15, с. 267–268]. Кроме того, вина Брайони частично связана с глобальными военными и экономическими проблемами. Так, истинным насильником оказывается Пол Маршалл – человек, разбогатевший на снабжении британской армии шоколадом “Амо”, не содержащим ни грамма какао. Женившись на Лоле, он становится одним из столпов общества, в то время как жизни своих родных сама Брайони разрушает. Детская травма определяет всю последующую жизнь героини, она ищет искупления своей вины, но «вынуждена признать неизбывность боли, трагедию непоправимости опыта» [1, с. 44]. Большинство исследователей соглашаются с автором в том, что сделанное Брайони непоправимо [1, с. 43–44, 280]. О.А. Джумайло видит в этом развенчивание самой культуры письма, которая становится «набором готовых форм, отчуждённых от реального человеческого опыта» [1, с. 290].

Война в этом романе не является прямым или опосредованным источником травмы, как в предыдущих произведениях. Вся конфликтная, травмирующая ситуация разворачивается до военных событий, однако они делают последствия произошедшего более глубокими, неисправимыми. Одновременно эпизоды довоенного периода начинают казаться незначительными, трансформируются взгляды и ценности героев, эпоха, полная страшного насилия, заставляет иначе взглянуть на ситуацию, фатально изменившую их судьбы. Сюжет насилия развивается параллельно с сюжетом травмы. Так, реальная жертва насилия Лола прекрасно устраивает свою жизнь, тогда как Брайони делает жертвой своей творческой натуры Сесилию и Робби, не имеющих прямого отношения к ситуации насилия. На первый план выходит проблема памяти, точнее, способности сознания изменить память, подменить реальный опыт личности.

Таким образом, романы Макбюэна демонстрируют сложную связь ситуации травмы с сюжетом насилия и проблемой памяти. Сложность состоит прежде всего в том, что центральные персонажи произведений не выступают однозначно как жертвы, а оказываются втянуты в ситуацию насилия в самых разных ролях и преодолевают свои трудности также разнообразными способами.

Вследствие этого во всех романах взаимодействие данных компонентов происходит неодинаково, но сохраняется характерное для XX в. изображение травматического опыта как неразрешимого, исключение составляет лишь творческая личность, которая может достичь хотя бы иллюзорного преодоления травмы в реальности текста.

Источники

- Н. – *Макьюэн И.* Невинный, или Особые отношения / Пер. с англ. В. Бабкова. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2008. – 352 с.
- Ч.П. – *Макьюэн И.* Чёрные псы / Пер. с англ. В. Михайлина. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2010. – 288 с.
- И. – *Макьюэн И.* Искупление / Пер. с англ. И. Дорониной. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2012. – 544 с.

Литература

1. *Джумайло О.А.* Английский исповедально-философский роман, 1980–2000. – Ростов н/Д: Юж. федер. ун-т, 2011. – 318 с.
2. *Лакапра Д.* Что существенно для гуманитарных дисциплин? / Пер. с англ. А. Олейникова // *Вопр. образования.* – 2006. – № 4. – С. 240–246.
3. *Felman Sh., Laub D.* Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis, and History. – N. Y.: Taylor & Francis, 1992. – 294 p.
4. *Eco U., Marilyn M.* An Ars Oblivionalis? Forget It! // *PMLA.* – 1988. – V. 103, No 3. – P. 254–261.
5. *Winter J., Sivan E.* Setting the Framework // *War and Remembrance in the Twentieth Century* / Ed. by J. Winter. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999. – P. 6–39.
6. *Кочергина А.В.* Имитация документа в романах Йена Макьюэна «Невыносимая любовь» и «Искупление» // *Филология и культура.* – 2013. – № 4. – С. 198–201.
7. *Булычева М.О.* Fiction и Nonfiction в романе Йена Макьюэна «Искупление» // *Филология и культура.* – 2014. – № 3. – С. 140–143.
8. *Медведев А.А.* Особенности психологизма в романах Йена Макьюэна («Искупление», «На берегу») // *Вестн. Башкир. ун-та.* – 2014. – Т. 19, № 4. – С. 1443–1448.
9. *Романова Д.В., Проскурнин Б.М.* Дискурсивность сознания героя как сюжетный принцип в романе И. Макьюэна «Искупление» // *Пограничные процессы в литературе и культуре: Сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рожд. В. Каменского (17–19 апр. 2009 г.)* / Общ. ред. Н.С. Бочкарева, И.А. Пикулева. – Пермь: Перм. ун-т, 2009. – С. 180–183.
10. *Фёдоров А.А.* Модификации психологического романа и современная английская проза (Дж. Барнс, И. Макьюэн) // *Рос. гуманитар. журн.* – 2012. – Т. 1, № 1. – С. 14–22.
11. *Finney V.* Briony's Stand against Oblivion: The Making of Fiction in Ian McEwan's *Atonement* // *J. Mod. Literature.* – 2004. – V. 27, No 3. – P. 68–82.
12. *Карслева Д.К.* Жанровая полифония в романе Й. Макьюэна «Искупление» // *Филология и культура.* – 2013. – № 2. – С. 127–130.
13. *Карслева Д.К.* Полижанровость романов Йена Макьюэна («Дитя во времени», «Чёрные псы», «Искупление») // *Романная проза Запада на рубеже XX – XXI столетий, 1990–2014* / Под ред. В.А. Пестерева. – Волгоград: Волгоград. гос. ун-т, 2014. – С. 110–129.

14. Доценко Е.Г. Стилистика разрушения в «военных» романах И. Макьюэна и Г. Грасса // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. – 2011. – № 2. – С. 64–70.
15. Хабибуллина Л.Ф. Вторая мировая война в современной литературе // Филология и культура. – 2015. – № 2. – С. 264–269.
16. Веденкова Е.С. «Кризис культуры» и пути его преодоления в романе И. Макьюэна «Чёрные собаки» // Вестн. Тамбов. ун-та. – 2011. – Т. 95, Вып. 3. – С. 135–141.

Поступила в редакцию
14.11.17

Хабибуллина Лилия Фуатовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: fuatovna@list.ru

Иванова Арина Александровна, студент Высшей школы русской и зарубежной филологии

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: ariadnes258thread@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2018, vol. 160, no. 1, pp. 232–240

The Psychology of Trauma in Ian McEwan's Novels about the Second World War

L.F. Khabibullina^{}, A.A. Ivanova^{**}*

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: ^{*}fuatovna@list.ru, ^{**}ariadnes258thread@gmail.com

Received November 14, 2017

Abstract

The problem of psychological trauma experience in Ian McEwan's novels about the Second World War ("The Innocent" (1990), "Black Dogs" (1992), and "Atonement" (2001)) has been considered in the paper. The plot of violence, "traumatic" situation, and flashback problem in the context of contemporary literature research has been studied. The correlation of these aspects in McEwan's novels has been revealed. The research confirms that the combination of these components in the novel is complex and diverse. Therefore, it has been shown that the influence of trauma on human's personality varies to a considerable degree. The psychology of traumatized consciousness has been investigated. The victim of trauma is not only the person subjected to violence, but also the one who is the source of the violence. The severity of psychological trauma does not let the author to argue about overcoming the trauma. He can only analyze the influence of global historical events on the conscience of every person taken individually.

Keywords: English literature of 20th – 21st century, trauma studies, Ian McEwan, "The Innocent", "Black Dogs", "Atonement"

References

1. Dzhumailo O.A. *Angliiskii ispovedal'no-filosofskii roman* [English Memoir Philosophical Novel, 1980–2000]. Rostov-on-Don, Yuzhn. Fed. Univ., 2011. 318 p. (In Russian)
2. LaCapra D. What is essential to the humanities? *Voprosy Obrazovaniya*, 2006, no. 4, pp. 240–246. (In Russian)
3. Felman Sh., Laub D. *Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis, and History*. New York, Taylor & Francis, 1992. 294 p. (In Russian)
4. Eco U., Marilyn M. An *ars oblivionalis*? Forget it! *PMLA*, 1988, vol. 103, no. 3, pp. 254–261.
5. Winter J., Sivan E. Setting the framework. In: Winter J. (Ed.) *War and Remembrance in the Twentieth Century*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1999, pp. 6–39.
6. Kochergina A.V. The simulation of the document in the novels by Ian McEwan “Enduring Love” and “Atonement”. *Filologiya i Kul'tura*, 2013, no. 4, pp. 198–201. (In Russian)
7. Bulychева M.O. Fiction and nonfiction in Ian McEwan’s “Atonement”. *Filologiya i Kul'tura*, 2014, no. 3, pp. 140–143. (In Russian)
8. Medvedev A.A. Psychology in Ian McEwan’s novels (“Atonement”, “On Chesil Beach”). *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*, 2014, vol. 19, no. 4, pp. 1443–1448. (In Russian)
9. Romanova D.V., Proskurmin B.M. Discursivity of character’s consciousness as a narrative principle in I. McEwan’s novel “Atonement”. *Pogranichnye protsessy v literature i kul'ture: Sb. st. po materialam Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 125-letiyu so dnya rozhdeniya V. Kamenskogo (17–19 apr. 2009 g.)* [Borderline Processes in Literature and Culture: Proc. Int. Sci. Conf. Dedicated to the 125th Birth Anniversary of V. Kamenskii (Apr. 17–19, 2009)]. Bochkarev N.S., Pikulev I.A. (Eds.). Perm, Permsk. Univ., 2009, pp. 180–183. (In Russian)
10. Fedorov A.A. Psychological novel modification and modern English prose (J. Barnes, I. McEwan). *Rossiiskii Gumanitarnyi Zhurnal*, 2012, vol. 1, no. 1, pp. 14–22. (In Russian)
11. Finney B. Briony’s stand against oblivion: The making of fiction in Ian McEwan’s atonement. *Journal of Modern Literature*, 2004, vol. 27, no 3, pp. 68–82.
12. Karslieva D.K. Genre polyphony in the novel “Atonement” by I. McEwan. *Filologiya i Kul'tura*, 2013, no. 2, pp. 127–130. (In Russian)
13. Karslieva D.K. Polygenre character of Ian McEwan’s novels (“The Child in Time”, “Black Dogs”, and “Atonement”). In: Pesterev V.A. (Ed.) *Romannaya proza Zapada na rubezhe XX – XXI stoletii, 1990–2012* [Novelistic Prose of the West at the Turn of the 20th – 21st Centuries, 1990–2014]. Volgograd, Volgogr. Gos. Univ., 2014, pp. 110–129. (In Russian)
14. Dotsenko E.G. stylistics of destruction in “military” novels by I. McEwan and G. Grass. *Aktual'nye Problemy Germanistiki, Romanistiki i Rusustiki*, 2011, no. 2, pp. 64–70. (In Russian)
15. Khabibullina L.F. The Second World War in the contemporary literature. *Filologiya i Kul'tura*, 2015, no. 2, pp. 264–269. (In Russian)
16. Vedenkova E.S. “Culture Crisis” and ways to overcome it in the novel “Black Dogs” by I. McEwan. *Vestnik Tambovskogo Universiteta*, 2011, vol. 95, no. 3, pp. 135–141. (In Russian)

Для цитирования: Хабидуллина Л.Ф., Иванова А.А. Психология травмы в романах Й. Макьюэна об опыте второй мировой войны // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 1. – С. 232–240.

For citation: Khabibullina L.F., Ivanova A.A. The psychology of trauma in Ian McEwan’s novels about the Second World War. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 1, pp. 232–240. (In Russian)